

Настоящая книга представляет собой посмертное издание избранных трудов известного ученого-слависта Я. Риглера (1929—1985). С его именем связаны последние, наиболее значительные достижения в области изучения словенского языка. Очень значителен вклад Я. Риглера в разработку новой концепции исторического развития диалектной структуры словенского языка. Идеи Я. Риглера, ставшие неотъемлемой частью науки, ждут своего осмысления и дальнейшего развития.

Книга открывается вступительной статьей Ф. Якошина, составителя и редактора настоящего сборника. В ней кратко охарактеризован жизненный и творческий путь Я. Риглера, рождением и всей своей деятельностью неразрывно связанного со своей родиной — Словенией. Я. Риглер получил образование и прошел научную подготовку в Люблянском университете, где его учителями были выдающиеся слависты Ф. Рамовш и Р. Нахтигаль. Продолжив традиции своих великих учителей, Я. Риглер поднял словенистику на новый уровень, подготовленный достижениями послевоенных исследований по словенской диалектологии.

Представление о круге научных интересов и направлениях научной деятельности Я. Риглера дает библиография (составитель — Я. Хафнер), которая включает опубликованные работы (90 названий) и работы, оставшиеся в рукописях (7 названий). В перечне трудов Я. Риглера две монографии (см. [1, 2]), статьи по актуальным проблемам словенской диалектологии, карта словенских наречий [3], составленная при участии Т. Логара.

Из наследия Я. Риглера с учетом объема, отведенного для настоящего сборника, отобрано 14 статей, которые, как нам представляется, достаточно полно отражают основные идеи и содержание научной деятельности ученого. В этих статьях освещается следующий круг проблем: 1) язык Трубара и происхождение словенского литературного языка, 2) реконструкция основных этапов исторического развития словенского языка, 3) классификация словенских диалектов, 4) вопросы акцентологических отношений.

Сборник открывается циклом статей о языке Трубара (1508—1586 гг.) и шире — об истоках словенского литературного языка. Выдвигая на первый план данное направление научной деятельности Я. Риглера, составители сборника хотели подчеркнуть значение проблемы и тем самым почтить память зачинателя

словенской письменности, четырехсотлетие со дня смерти которого в 1986 г. отметила словенская общественность. Проблема истоков словенского литературного языка получила всестороннее освещение в названной выше монографии 1968 г. Основные аспекты этой большой и сложной проблемы разработаны Риглером в статьях, включенных в рецензируемый сборник: «О языке словенских реформаторов», «Основы языка Трубара», «Регистр к библии Далматина». Дополняет эту подборку статей заключение из упомянутой монографии, в котором сведены воедино и обобщены результаты исследований Я. Риглера по этой теме.

Я. Риглер подходит к исследованию языка Трубара как историк и диалектолог, хорошо представляющий себе динамику языковых процессов. Особенности языка Трубара осмысляются в общей исторической перспективе с учетом закономерностей развития словенского языка и его диалектной дифференциации. Всем ходом своего исследования Я. Риглер показал несостоятельность укоренившейся в науке точки зрения, согласно которой сочинения Трубара написаны смешанным языком. Непоследовательность в передаче *ě* как *e* и *ei* (ср. *sveit* «mundus» и *čep*), колебания *o* и *u* в соответствии с циркумфлексным *o* и многие другие явления не содержат в себе ничего случайного и произвольного, во всей этой кажущейся непоследовательности отражаются черты языковой ситуации, характерной для эпохи Трубара.

Я. Риглера отличает умение тщательно анализировать конкретные языковые факты. Внутрисистемный подход сочетается с осмыслением языковых явлений в широкой исторической перспективе. Именно такой подход позволяет Я. Риглеру установить правила, регулирующие появление тех или иных форм. Так, Я. Риглер обращает внимание на то, что имена на *-ost* исторически восходят к разным акцентным типам и форма суф. *-ost* или *-ust* находится в точном соответствии с правилами акцентных соотношений. Согласно одному из них, форма *-ust* характеризует старый циркумфлексный тип основ (ср. *mladust*), в сочетании с предлогом (ср. *od mladosti*); форма суф. *-ost* обусловлена передвижением ударения на предшествующий слог. Другой случай — чередование *o* и *u* в словах типа *pokorni/pokurni* — также является следствием различной акцентуации, но в иных условиях — в определенной и неопределенной формах. Впервые столь тщательно проведенный анализ текстов Трубара позволил наметить некоторые

правила графической передачи старого $\dot{\epsilon}$ в виде e или ei . В сочинениях Трубара последовательно $\dot{\epsilon} > ei$ в тех случаях, когда необходимо разграничить омонимы (ср.: *sveit* «mundus» и *sveit* «sapetus»), в исходе слова (ср.: *dvei, nei, vei*), в тех словах, которые в определенных формах имели в исходе ei (ср.: *veiditi* «знать» при *vei*) и т. п. Проследивая динамику диалектных отношений в истории словенского языка, восстанавливая для эпохи Трубара территориальное распределение двух центральных диалектов — горенского и доленского, Я. Риглер приводит убедительные доводы в пользу того, что фонетическая система Трубара в значительной степени несет в себе черты диалекта, на котором в XVI в. говорили в Любляне. В трудах Я. Риглера по-новому решается вопрос о диалектной основе языка Трубара. Традиционно все исследователи, занимавшиеся Трубаром (Шкрабец, Облак, Рамовиш и др.), исходили из того, что в своих сочинениях Трубар основывался на говоре родной деревни Рашица. Это положение принималось как исходное, не требующее доказательств. Рассматривая сочинения Трубара в широком языковом и культурно-историческом контексте эпохи XVI в., Я. Риглер показал несостоятельность такого подхода, во многом неверно ориентированного исследователей, Трубар не мог не осознавать значения Любляны в культурной и общественной жизни Словении. Чтобы быть понятным, Трубар должен был взять за основу люблянский диалект, а не говор маленькой деревушки, насчитывавшей в то время всего 13 хозяйств. Многие неверные выводы, по мысли Я. Риглера, обусловлены отсутствием исторического подхода к языку XVI в. И Я. Риглер предостерегает от этой ошибки, подчеркивая, что язык Трубара нельзя оценивать, исходя из особенностей современного словенского языка. Люблянский диалект эпохи Трубара не тождествен современному диалекту. Я. Риглер последовательно обосновывает мысль о первоначальной принадлежности диалекта Любляны к доленскому диалектному типу, что и объясняет, с его точки зрения, отступление в сочинениях Трубара от особенностей современного люблянского диалекта, который по принятой в науке классификации входит в иную диалектную группу — горенскую. При характеристике языка Трубара определенные трудности связаны с тем, что к концу жизни, т. е. ближе к 1582 г., в его сочинениях усиливается влияние родного говора. Как показывает Я. Риглер, в трудах Трубара проследживается взаимодействие двух диалектных систем, входивших в группу центральных словенских наречий, причем доминирующее положение за-

нимал люблянский диалект, система которого обогащалась элементами других наречий и прежде всего элементами родного говора д. Рашица. Как видим, в ходе анализа Я. Риглер выявил разные факторы, под влиянием которых складывались особенности языка Трубара. Оценивая Трубара в ряду близких ему по времени авторов, Я. Риглер приходит к выводу, что Трубар создал наиболее совершенный тип письменного языка. Именно сочинения Трубара стали основой словенского литературного языка.

Главное место в научном наследии Я. Риглера занимают работы по истории и диалектологии словенского языка. Для словенского диалекта являются основным источником знаний по истории языка, поскольку первые письменные памятники появились сравнительно поздно. К воссозданию языковой истории наука идет с помощью средств внутренней реконструкции. В работах Ф. Рамовша [4] впервые в наиболее полном и систематизированном виде освещены вопросы истории и диалектологии словенского языка. Развернувшись в Словении в послевоенные годы диалектологические исследования расширили и углубили представления о словенских диалектах и, таким образом, создали необходимые материальные предпосылки для поисков новой интерпретации накопленных наукой знаний. И Я. Риглер, основываясь на новых материалах, используя последние достижения науки, разрабатывает во многих отношениях новую концепцию исторического развития словенского языка. Основные положения этой концепции изложены Я. Риглером на софийском съезде в докладе под названием «Обзор основных этапов развития словенского вокализма» (1963 г.) и в «Примечаниях» к докладу, опубликованных в 1967 г. Я. Риглер постоянно возвращался к идеям доклада, дополняя и усиливая аргументацию, уточняя характеристику основных процессов (ср. опубликованные в рецензируемом сборнике статьи Я. Риглера «Развитие $\dot{\epsilon}$ в словенском», «Направления фонетического развития в папонских говорах», «К проблеме „аканья“» и т. д.). Многие положения, существенные для теории Я. Риглера, сложились в полемике с Ф. Рамовшем.

Как известно, в словенских диалектах глубоким преобразованиям подверглась вокалическая система. Истоки этих преобразований связывают с качеством фонемы $\dot{\epsilon}$. По отражению $\dot{\epsilon}$ вся область словенского языка делится на два ареала — северо-западный и юго-восточный. Предполагается, что такое деление унаследовано от эпохи диалектного развития праславянского языка. Задача исследователей состоит в том, чтобы восстановить

основные этапы развития исходной системы, выявить механизм преобразования вокалических систем в разных направлениях. В понимании начальной фазы развития словенского языка расхождения между Ф. Рамовшем и Я. Риглером сводятся к следующему. Если Ф. Рамовш восстанавливает *ě* широкое для диалектов юго-восточной области, а узкое качество этого гласного предполагает для северо-западных диалектов, то Я. Риглер, наоборот, *ě* широкое связывает с северо-западным ареалом, а *ě* узкое — с юго-восточным.

В своих выводах Я. Риглер основывается на существовании зависимости между широким качеством *ě* и сохранением назальных гласных. Внутренняя организация вокалической системы северо-западной группы исключает узкое *ě*, поскольку в отдельных диалектах этой группы сохранились назальные гласные, а процесс деназализации проходил позднее, чем в юго-восточных диалектах. Напротив, ранняя деназализация в диалектах юго-восточной области, а также наличие в соседних близкородственных диалектах сербохорватского языка рефлексов узкого *ě* служит знаком того, что в юго-восточной части Словении, как и на основной славянской территории, действовала тенденция к сужению *ě*. На этом основании уточняются ареальные характеристики праславянского: в архаичную зону с широким *ě*, кроме болгаро-македонских диалектов, лехитских и части серболужицких языков, включаются также диалекты северо-западной Словении.

С действием тенденции к сужению *ě* Я. Риглер связывает деление исходной системы на две подсистемы, внутренняя организация которых определялась качеством *ě*. В преобразовании вокализма решающая роль отводится дифтонгизации долгих *ě* и *ō* (*ei*, *oi* на юго-востоке и *ie*, *io* на северо-западе), удлинению неконечных слогов с кратким ударением. Количественные модификации, осуществившиеся в разное время, стали причиной многоступенчатых и разнонаправленных изменений вокализма в отдельных частях словенской территории. Я. Риглер особо выделяет тот период в истории языка, когда в результате процессов, вызвавших усиление диалектной дифференциации, меняется направление изоглоссы: старые изоглоссы, пересекающие южнославянскую территорию в направлении с северо-востока на юго-запад, перекрываются изоглоссами нового времени, объединяющими, с одной стороны, диалекты восточные и северные, а с другой стороны, — южные и западные. **Путем последовательного, всестороннего анализа фонетических и акцентологических явлений Я. Риглер определяет место каж-**

дого из процессов в общей истории языка, разграничивает в плане относительной хронологии пять этапов в преобразовании вокализма и соответственно в развитии диалектной структуры словенского языка. В исследованиях Я. Риглера каждая из восьми словенских диалектных групп и отдельные диалектные системы предстают как часть целого и как результат преобразования вокалических систем по определенным моделям.

Итогом многолетних диалектологических исследований явилось создание «Карты словенских наречий» (1983 г.). Эта карта, составленная двумя авторами — Я. Риглером и Т. Логаром, представляет собой переработанный вариант известной карты Ф. Рамовша. В ней учтены последние достижения словенской диалектологии и исторический опыт классификации словенских наречий (см. «Об истории классификации словенских диалектов»). Основываясь на новых, ранее не известных материалах, полученных в ходе полевых исследований, Я. Риглер более точно определяет границы диалектов на современной карте. Так, Я. Риглер устанавливает, что на крайнем юго-западе Словении нотранский диалект простирался на запад значительно дальше, чем предполагали Ф. Рамовш и М. Малецкий. Как показал Я. Риглер, современными данными не подтверждается существование особого бркинского диалекта, традиционно выделяемого в этой части Словении. Из анализа языковой ситуации в юго-западной Словении следует, что территория, занимаемая бркинами, входила в область распространения нотранского диалекта (см. «О предполагаемом бркинском диалекте словенского языка»). В плане исторического развития диалектной структуры словенского языка следует признать важным вывод Я. Риглера о первоначальной принадлежности южной части горенских диалектов к диалектам доленского типа.

Особое место в исследованиях Я. Риглера занимает проблема словенско-кайкавских отношений. В одной из статей настоящего сборника («Культурно-языковая ориентация штирийцев в древнейшую эпоху») на материале древних рукописей и печатных текстов, созданных в Штирии, прослеживается влияние двух диалектов — кайкавского и центральнословенского. Как показал анализ языковых особенностей древних текстов, влияние территориально близкого кайкавского диалекта не простиралось далее восточной части Словенских Гор, наиболее сильным и значительным было влияние центральнословенского диалекта.

В свете новых данных по-иному определяется Я. Риглером характер словенско-кайкавских отношений в плане исто-

Рического развития («О словенско-кай-кавских языковых отношениях», «Направление фонетического развития в паннонских говорах»). В известных теориях Ф. Рамовша и А. Белича по-разному решается вопрос о происхождении словенского языка. Согласно Ф. Рамовшу, хорватско-кайкавский диалект генетически связан со словенским языком. В силу определенных общественно-политических процессов он оказался в сфере влияния сербохорватского языка. А. Белич придерживался противоположной точки зрения: кайкавский диалект, по его мнению, образовался вторично на основе симбиоза части словенских, чакавских и штокавских наречий. Известный исследователь кайкавского диалекта С. Ившич доказывал в своих работах единство и самостоятельность кайкавской системы акцентных отношений. С новой теорией происхождения кайкавского диалекта в начале 70-х годов выступил З. Юнкович. В основе его теории лежит та же идея самостоятельности кайкавского диалекта. З. Юнкович связывает образование кайкавского диалекта с тем этапом членения западно-южнославянского праязыка, когда после выделения альпийских славян образуется паннонская группа, в составе которой помимо кайкавского диалекта развиваются диалекты горичанский, прекмурский, некоторые штирийские, штокавские говоры и др. Я. Риглер подробно останавливается на анализе теории З. Юнковича и показывает, что явления, на которых базируется гипотеза, достаточно противоречивы, они не обладают доказательной силой, потому что, во-первых, реальная картина сложнее и не укладывается в предлагаемые схемы, а во-вторых, потому что большая часть явлений принадлежит не праславянскому времени, а более поздней эпохе X—XIV вв.

Именно процессы, протекавшие в X—XIV вв., определили фонетический облик словенского языка и его диалектную структуру. Для понимания позиции Я. Риглера важны следующие положения. Я. Риглер считает, что данные, которыми оперируют разные теории, не дают основания предполагать существование южнославянского праязыка. С точки зрения Я. Риглера южнославянские языки сложились на основе смещения разных элементов в эпоху славянских миграций. Заметим, что сходной точки зрения придерживается другой словенский ученый — Ф. Безлай. Южнославянское языковое пространство представляется Я. Риглеру как непрерывный диалектный континуум, в пределах которого границы отдельных явлений размыты, не совпадают с границами диалектов. Я. Риглера интересуют в основном внутриязыковые процессы, распределение диа-

лектных связей в пределах словенско-кайкавской территории. Для решения вопросов генетического характера требуется иной подход — сравнительно-исторический, позволяющий в исторической перспективе, на широком славянском фоне определить процессы, специфические для словенских и кайкавских диалектов. В перечне анализируемых Я. Риглером явлений изменение $d_j > j$, более позднее по времени $\rho > o$, т. е. явления, характеризующие на славянской языковой территории в основном словенские и кайкавские диалекты. Особенности развития этих процессов, как и многих других, понятны лишь на общеславянском фоне. К сожалению, этот аспект исследования остается за пределами внимания Я. Риглера. Наиболее полно разработаны им вопросы словенско-кайкавских диалектных отношений исторического времени, но остаются нераскрытыми генетические истоки отношений двух диалектов на праславянском уровне.

В связи с подготовкой «Словаря словенского литературного языка» Я. Риглер много занимался вопросами ударения и интонаций. Решение вопросов нормирования сопряжено с немалыми трудностями, поскольку в условиях большой диалектной дробности литературный язык испытывает на себе сильное влияние диалектов. Результаты большой исследовательской работы Я. Риглера частично отражены в статьях настоящего сборника (ср. «Проблемы ударения в словенском литературном языке»).

Я. Риглер не успел осуществить всех своих замыслов, многие намеченные им идеи еще ждут развития и более глубокого обоснования. Но Я. Риглер много сделал для науки о словенском языке. Заслуга Я. Риглера в том, что своими исследованиями он существенно расширил и углубил знания о многочисленных словенских диалектах. Основываясь на новых данных, он поднял изучение проблем словенистики на новую ступень теоретического осмысления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Rigler J.* Južnonotranjski govori. Akcentska in glasoslovna analiza južnonotranjskih govorov med Snežnikom in Slavnikom. Ljubljana, 1960.
2. *Rigler J.* Začetki slovenskega knjižnega jezika. Ljubljana, 1968.
3. *Logar T., Rigler J.* Karta slovenskih narečij. Na osnovi Ramovševe Dialektološke karte slovenskega jezika, novejših raziskav in gradiva Instituta za slovenski jezik. Ljubljana, 1983.
4. *Ramovš F.* Historična gramatika slovenskega jezika. II: Konzonantizem. Ljubljana, 1924; VII: Dialekti. Ljubljana, 1935.

Куркина Л. В.